

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1982.1.10>

Senā Sēlpils. E. Šnore, A. Zariņa. Rīga 1980.

На латышском языке, резюме на русском и немецком языках. 236 стр.

Археологические памятники по Даугаве изучались уже до второй мировой войны. Особенно крупные исследования там проведены в последние десятилетия. Накоплен весьма богатый материал, отражающий развитие экономики, общественных отношений и культуры от каменного века до позднего средневековья. Теперь берега Даугавы в археологическом отношении — один из наиболее изученных регионов Прибалтики. Важно отметить, что латвийские археологи, не ограничиваясь исследованием древних памятников, широко занимались и изучением средневековых. Благодаря этому накоплен значительный опыт в области средневековой археологии. Поэтому неудивительно, что в сводной работе по археологии Латвии¹, изданной в 1974 году, средневековью был посвящен целый раздел.

Понятно, что обработка значительного по объему археологического материала требует времени. Информация о предварительных результатах исследования археологических памятников на берегах Даугавы опубликована в материалах республиканских отчетных сессий латвийских археологов,² а также во всеоюзном информационном ежегоднике «Археологические открытия». Опубликован и целый ряд специальных статей. Основные результаты отражены в упомянутой выше сводной работе по археологии Латвии. Но изданы и некоторые монографические исследования.³ Последняя из опубликованных моно-

графий этой серии, рассматриваемая ниже работа известных латвийских археологов Э. Шноре и А. Зариня, посвящена результатам обработки материалов, найденных при раскопках в 1963—1965 годах в Селпилсе, на левом берегу Даугавы (Екабпилсский р-н). Авторы исследовали целый комплекс памятников, состоящий из городища, форбурга поселения и кладбища. Памятники изучались не полностью. Например, изучена лишь пятая часть площадки городища, занимавшей территорию почти 4000 м².

Исследования в Селпилсе доказали давно высказанное предположение, что селпилсский средневековый орденский замок был построен на месте древнего городища, которое идентифицируется с упомянутым в «Хронике Ливонии» Генриха замком селов (*castrum selonum*)⁴. Итак, селпилское городище принадлежит к числу таких памятников Прибалтики, на которых строились средневековые крепости. Известно, что древний культурный слой на таких городищах в значительной мере перемешан и изучение его требует от археолога особого внимания и умения. Впрочем, перемешанным оказался культурный слой на территории не только городища и форбурга, но и поселения. Авторам, безусловно, пришлось много потрудиться, чтобы извлечь из культурного слоя селов максимально возможную информацию о древних постройках.

Монография состоит из вступительного раздела, пяти основных глав, заключения, списка использованной литературы и резюме на русском и немецком языках. Во вступительном разделе дается сводка данных письменных источников о Селпилсе. Первые сведения о каменном замке относятся к 1373 году. В монографии высказывается предположение, что опорным пунктом для новых властей мог служить и древний замок селов, завоеванный немцами в 1208 году. Это предположение весьма правдоподобно. В Эстонии и Латвии известен ряд примеров тому, как замки местного населения использовались за-

¹ Latvijas PSR arheoloģija. Rīga 1974.

² Referātu tēzes zinātniskajai sesijai, veiktai 1958—1970 g. arheoloģiskiem izrakumiem un etnogrāfiskajai ekspedīcijai Latvijas PSR teritorijā. Rīga 1959—1971. Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1971 g. ... rēķinājumu rezultātiem. Rīga 1972.

³ Шноре Э. Д. Асотское городище. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. 2. Рига. 1961. Stubavs A. Kentes pilskalns un armetne. Rīga 1976. Mugurēvičs E. Oļiņkalna un Lokstenes pilsnovadi. Rīga 1977.

⁴ Tuulse, A. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat, 1942, S. 80.

воевателями в качестве укреплений. Селпилский средневековый замок был разрушен во время северной войны, в 1704 году.

I глава посвящена результатам исследования площадки городища. Она состоит из двух частей. В первой из них анализируются материалы, сохранившиеся от замка селов, или по терминологии авторов монографии⁵, от деревянного замка (*koka pils*). Во второй части этой главы рассматриваются остатки средневекового каменного замка (*mūra pils*). Следующие две главы посвящены результатам раскопок на территории форбурга (II глава) и поселения, расположенного рядом с городищем (III глава). В IV главе анализируются все материалы из городища, форбурга и поселения, которые отражают развитие экономики. Ценным источником были монеты, относящиеся к 13—17 гг. V (последняя) глава отведена результатам исследования кладбища.

В ходе раскопок получены новые данные о многих элементах оборонительной системы и постройках селпилского средневекового замка (каменные стены, квадратное помещение у въезда, основание оборонительной башни с бойницей, остатки домов с печами на дворе замка и др.). Все это представляет значительный интерес для изучения средневековой архитектуры.

Что касается оборонительных сооружений и построек периода замка селов, то они сохранились лишь во фрагментах. Особый интерес вызывает обнаруженная на восточном краю площадки городища песчаная насыпь. По мнению авторов монографии, это остатки вала древнего замка. Высказано предположение, что вал мог иметь деревянные срубы. Недостаточно обоснована мысль авторов, что этот вал имел и башню. Важно отметить, что под песком, в слое, датированном по находкам 6—7 вв., были обнаружены контуры четырехугольной постройки. Кажется вероятным, что площадка городища, заселенная в какой-то мере уже до сооружения вала и других укреплений, была частью поселения, которое охватывало и территорию форбурга. Таким образом, можно полагать, что замок селов возник на месте более древнего поселения, как и многие другие городища. Вал и другие укрепления в Селпиле построены, очевидно, в последней четверти I тыс. н. э.

От построек периода замка селов сохранились прежде всего остатки печей и

очагов. Установлено существование двух основных типов печей — печи с каменной и печи с глинобитным сводом. Последние имели, как правило, каменное основание. Печи этого типа известны и по раскопкам в других латвийских городищах, а также в Рюге (юго-восточная Эстония). Были обнаружены также остатки глиняного пола одной жилой постройки. Особого внимания заслуживают найденные на площадке остатки небольшой срубной постройки, довольно хорошо сохранившейся, размерами 3×3 м, которые дают некоторое общее представление о приемах строительства древних селов. Эти приемы по существу не отличаются от традиций строительства латгалов и других народов Прибалтики. Высота сохранившихся стеновых бревен упомянутой постройки местами доходила до 0,5 м; найдено месторасположение дверей; частично сохранились остатки пола из толстых досок. Эта постройка, очевидно, хозяйственного типа, относится как утверждают авторы монографии, к 10—11 вв. Предполагается, что в начальный период немецкого владычества она использовалась под хлев. Но не слишком ли долгий срок (2—3 века) для существования деревянной постройки?

Наибольшее внимания заслуживают обнаруженные на территории поселения развалины деревянной клетки 14—15 вв. с хорошо сохранившимся подвалом. Здесь не только прослежены многие детали конструкции постройки, но и найдены предметы, имеющие большое значение для изучения материальной культуры. Так, у остатков клетки были найдены обломки ручной мельницы и зерно (99,9% ячменя). Особый интерес представляют четыре обуглившиеся буханки хлеба почти круглой формы (размерами 30×25×15 см), на одной стороне которых — слой обуглившейся муки. В подвале были найдены части восьми бочек из дубовых досок, высотой 80—100 см, диаметром до 50 см. В одной из бочек находились остатки солода, а в двух — небольшие камни, очевидно, для нагревания воды. По всей вероятности, бочки использовались для пивоварения. В монографии высказано предположение, что клеть принадлежала пивовару, который обслуживал население замка.

⁵ Автор вступительного раздела, первой главы и заключения — Э. Шноре. Вторую, третью и пятую главы написала А. Зариня; четвертая глава составлена совместно.

В монографии уделено большое внимание анализу вещественного материала, не только отражающего разные стороны материальной культуры, но и служившего основанием для установления хронологии. Если исключить многочисленные средневековые находки, то основную часть вещественного материала можно отнести ко второй половине I тыс., особенно, к первым векам II тыс. н. э. В нем доминируют типы предметов, известные и по другим памятникам восточной Латвии. Но имеются и более древние находки. Авторы предполагают, что в I тыс. до н. э. на территории городища находилось укрепленное поселение. Особо следует отметить кремневые находки, среди которых два наконечника стрелы свидерского типа. Они дают основание авторам считать, что, по крайней мере, часть кремневого материала относится уже к IX тыс. до н. э., как и находки в Лаукскола у Саласпилса.

На селпилском кладбище вскрыты 234 погребения 13—17 вв. Накоплен богатый вещественный материал, в частности, украшения. Частыми находками были монеты.

В отдельных более ранних могилах были найдены части оружия (наконечники копий). Несмотря на то, что кладбище находилось у средневекового замка, там были погребены местные крестьяне. Для этнической истории представляет большой интерес значительный и, в общем, точно датированный краниологический материал, обработанный Р. Денисовой.

Читатель, безусловно, найдет в монографии много конкретных и интересных данных о разных сторонах древней и средневековой материальной культуры населения Прибалтики. Особенно важно, что результаты исследования селпилского комплекса выявили новые элементы связи между элементами древней и средневековой культуры. Эти элементы прослеживаются не только в крестьянском быту, но и в материальной культуре населения средневековых замков. Это открывает новые перспективы изучения закономерностей перехода от древней к средневековой культуре Прибалтики.

Э. ТЫНИССОН